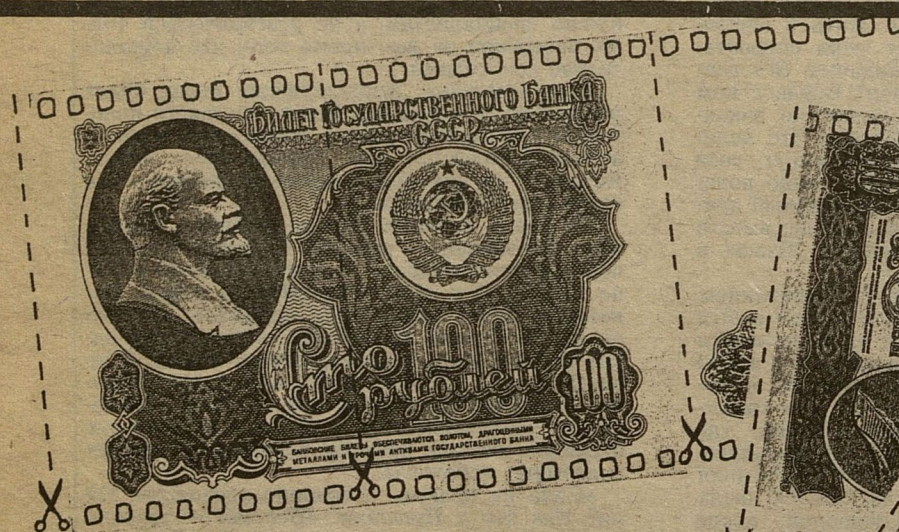

ЭКРАН И СЦЕНА

24 января - с. 1, 14

Александр МИТТА: «На Западе никакие друзья кино не смотрят. Смотрят эксперты. Смотрят очень жестко и только под одним углом — можно ли это продать. Никаких «художник так видит». Искусство — для фестивалей. Там получаете свои побрякушки, повесьте их у себя дома, но к бизнесу это никакого отношения не имеет».

Корреспондент «ЭС» Ирина Морсунова завершает серию репортажей, посвященных съемкам совместного фильма «Затерянный в Сибири» Александра Митты, рассказывающего о судьбе американского археолога, по ошибке НКВД попавшего в ГУЛАГ.

14 страница.

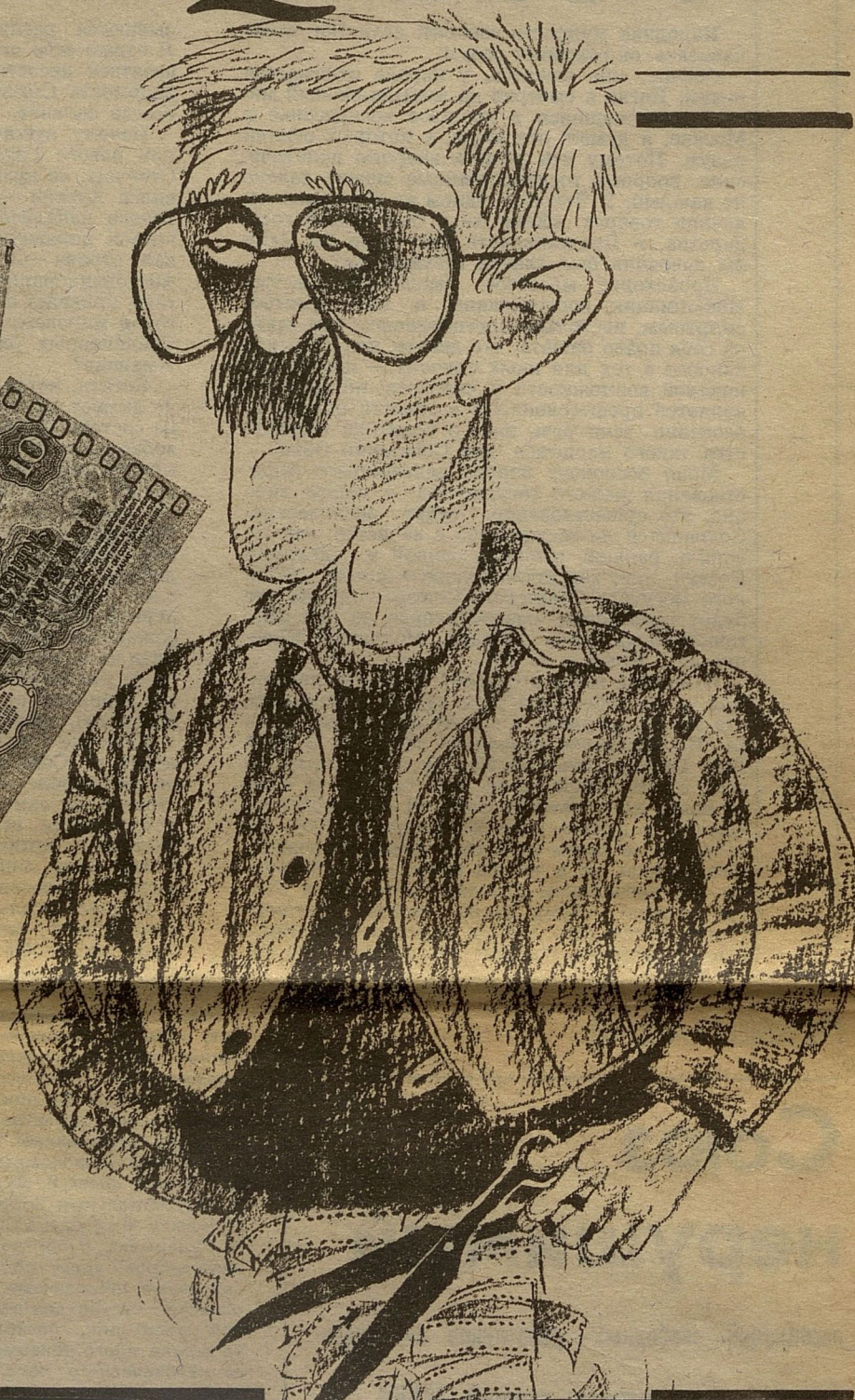
Михаил РОЩИН: «Давайте посмотрим и подумаем и порассуждаем о судьбе, о провидении, о Божьем промысле, о нашем месте на земле: где мы, кто мы, какие мы, что с нами происходит, когда мы играем в нашу жизнь, как в игру, а с людьми, как с куклами, и наоборот!»

О новом спектакле Марка Захарова «Школа для эмигрантов».

5 страница.

СЛАВА В ПРОЦЕНТАХ. Каких женщин предпочитают во Франции.

13 страница.

Митта А.

24.1.91

В прошлом году «ЭС» дважды (в №№ 15 и 31) рассказывал о работе над советско-английским проектом режиссера АЛЕКСАНДРА МИТТЫ — фильмом «ЗАТЕРЯННЫЙ В СИБИРИ» о судьбе американского археолога, по ошибке НКВД попавшего в ГУЛАГ. 2 августа мы сообщили, что съемки фильма закончились... Прошло почти полгода. И хотя работа над фильмом, в сущности, не закончилась, судьба его уже решена.

МИТТА МЕНЯЕТ РЕПУТАЦИЮ

В Лондоне сказали: «Годится. На картину покупатели будут». И с этого момента режиссер закончил «работу на себя», начав пахать на «богатого английского дядю».

Александр Митта никому не позволял вмешиваться в свою работу даже при застое: «На «Мосфильме» всегда знали, — говорит он, — пока фильм не закончен, лучше к этому психу не подходить. Такую репутацию я себе старательно создавал».

Когда японцы, приняв его идею «в целом», оговорили участие своего соратника, — отказался немедленно. Когда Голливуд брал «Затерянного в Сибири» с правом окончательного монтажа, не стал подписывать контракт: «Монтаж — неотъемлемое право режиссера. Это традиция русского кинематографа еще со времен Эйзенштейна». Английская фирма «SPES» — благо, занималась она всю жизнь компьютерами, а не кинопроизводством — не ставила никаких условий. Режиссер был сам себе и редактор, и художник: «Надо посоветоваться, зову своих друзей, чье мнение мне интересно. А решаю сам».

На Западе, рассказывает Митта, никакие друзья кино не смотрят — коммерческая тайна. Смотрят эксперты, рекламирующие фильм, агенты, собирающиеся продавать его кинотеатрам по всему миру, и сами прокатчики.

Смотрят очень жестко, и только под одним углом — можно ли это продать. Никаких «художник так видит». Искусство — для фестивалей. Там получите свои поблажки, повесьте их у себя дома, но к бизнесу это никакого отношения не имеет.

Что такое кино — искусство или коммерция — вопрос спорный. Но с тем, что кино слишком дорогое удовольствие, чтобы не приносить дохода, спорить трудно. Александр Митта, во всяком случае, не собирается: «Фестивали меня никогда не интересовали. Я хочу общаться с большой аудиторией».

Сделав в 80-м «Экипаж», он сознательно обрек себя на судьбу фестивального «невезучего». Зато освоил абсолютно незаселенное тогда пространство кассового кино. Самостоятельно, «вручную» изобретал трюки. Открыл для советской киноиндустрии жанр катастрофы. В любой другой стране это задача для профессионала, стремящегося заработать крутые деньги. Митта говорит: «Я ничего не зарабатывал. Только потерял репутацию в серьезном кино. Но своей цели добился. 100 миллионов зрителей картину посмотрели и примерно 100 стран ее купили».

КОНТРАКТ ПОДКРАЛСЯ НЕЗАМЕТНО

И вот — поездка в Лондон. На встречу с близкими по духу «дельцами кинобизнеса». Ехал он, по собственному признанию, как на гильотину. Однако голову рубить режиссеру не стали, хотя «хвост» фильму предложили все же укоротить: «Два часа двадцать — много, зритель устанет. Сделайте час пятьдесят».

Выкинуть из фильма 30 минут — другая картина получится. Тут и подкралось незаметно отвергнутое американским контрактом условие: отдайте нашему монтажнику, он приведет картину в рыночный вид. Привели какие-то расчеты, построили кривые, принцип золотого сечения... Столько-то процентов общего плана, столько-то крупного.

Понимая, что там работают высокие профессионалы (все, что посоветовали, принял на 100%), что все хотят картины успеха, режиссер все же сразу не сдался, взял три недели отсрочки:

— У нас в генах сидит страх перед любым вмешательством. Редактор всегда был цензором, плевавшим на зрителей

РЕЖИССЕРЫ И ДЖЕНТАЛЬМЕНЫ

и на успех. Главное соблюсти идеологическую невинность. Мы привыкли: каждый, кто приближается к картине, — враг режиссера. Поэтому хотел сам довести дело до конца. Обидно ведь: придумал сценарий, собрал авторскую группу, сняли все это в жутких условиях. Людей загнал...

ВЫШЕ РЕЖИССЕРА — ОДИН ТОЛЬКО БОГ

Я видела, как это делалось. Как мучился Лаврентий Берия на пытке озвучиванием, полсотни раз повторяя одно и то же: «Нет никакого археолога. Кусок грязи есть». На экране Лаврентий Палыч в профиль, губы еле шевелятся, а режиссер требует произнести фразу громко, резко, как говорится «с выражением», рассчитывая на одному ему ведомый эффект. Валентин Гафт приехал на озвучивание с ангиной. Он не сопротивляется, понимая, видимо, что «нет никакого Валентина Гафта», и пробует во второй раз, девятнадцатый, сорок шестой... «Ладно! — сдаётся режиссер. — Произнеси тихо».

Краем уха слышу облегченный выдох звукооператора Екатерины Поповой. Помню ее ответ на вопрос о звуковой специфике фильма:

— Митта сам по себе специфика. Вдруг у него возникнет какая-нибудь идея, вопреки всякой логике, и он над ней бьется, пока не придет к выводу, что это невозможно. Я молчу. Это моя вторая картина с ним (первая «Экипаж»), поэтому я знаю, пока он экспериментирует, лучше не встречать... На миксаж (перезапись... — И. М.) обычно тратится один день на каждую часть картины, а мы сделали 18 частей за 2 дня. Я так устала... Но картина мне нравится. Основное ее достоинство — она живая. Все фильмы о том времени, что я видела, — мертвые, не звучат. А наша картина живая. За это я режиссеру все прощаю.

Не поздоровилось в миттовском киногулаге и такому элитарному, казалось бы, специалисту, как композитор. Леонид Десятников всего лишь второй раз работает в кино, но иллюзий уже не осталось:

— Работаем уже на каком-то четвертом дыхании. Идет постоянный монтаж, и я вынужден то и дело переписывать партитуры, писать музыку по изображению. Потом оказывается, что этот кусок вполтора меньше или вполтора больше. Сначала режиссер предполагал одну-две музыкальные темы. Теперь, как в опере Вагнера, — каждое действующее лицо имеет свой мотив.

Режиссер вносит корректировки почти ежедневно: здесь должны звучать балалайки, сюда вставить мужской хор. И вставляешь, никому не денешься. Приходится придумывать довольно пикантные вещи, сочетать аккордеон с клавином или клавесин с балалайкой — французское с нижегородским. Работа, конечно, маловдохновенная. Плюс сжатые сроки. А вернувшись из Лондона, режиссер велел «все переделать». И дал 12 дней.

Вообще-то Десятников пишет другую музыку. Например, для камерного хора Коренева, виолончелиста Князева. В театре Бориса Покровского шла его опера «Бедная Лиза». На вопрос, зачем связался с «конвейерным производством», ответил по-простому:

— Зарабатываю средства к существованию. В кино, по нашим композиторским понятиям, гонорар баснословный. На аванс купил себе рояль.

Митту, кстати, такой деловой подход вполне устраивает. С «вызисательными художниками» работать труднее:

— Каждый специалист считает, что задача режиссера — ему мешать. В «Сказке про то, как царь Петр арапа женил» у меня был замечательный художник-декоратор Игорь Лемешев, так он все время обижался: «Вечно твои артисты мои декорации загромождают». А кино — простая вещь: если хочешь добиться результата, должен сделать его сам. Никакой, даже самый прекрасный актер, не сыграет роль, которую ты не прожил и ему не показал. Он приходит после спектакля или репетиции — из другой жизни. Что ты ему покажешь, то он и сыграет. Только делает как профессионал, намного лучше. Ты ему напеешь противным козлетоном — он споет красиво полным голосом. Но если нет мелодии, что он будет петь? Гаммы? Мелодию фильма режиссер должен придумать для всех, даже для композитора.

Но больше всех от режиссера с такими взглядами достается, разумеется, монтажнику. Соватор Александра Митты по сценарию Валерий Фрид рассказывал мне: «Митта сказал как-то: если ночью влезть к Тарковскому в монтажную и вырезать из картины 400 метров пленки, он придет утром и даже не заметит. При этом сам за каждый метр цепляется. И нет гарантии, что завтра не вставит опять то, что вырезал сегодня».

Это я тоже видела. На мониторе герой прогуливается с иранской шахиней. Светская неторопливая беседа... Слишком неторопливая, решает режиссер: пусть начинают говорить вот отсюда. Тогда реплики не совпадут, упирается

монтажер. «Ничего, давай». Шахиня поднимает голову и говорит, что ей велено. Попадание один в один. Не видела бы прежнего варианта, поразила бы актерской точности: и голову наклоняет, где нужно, и улыбается к месту. Потом эту сцену режиссер вообще выкинет.

И в общем-то правильно. Помню, когда посмотрела материал впервые (трехчасовую склейку) не верила, что смогу по-зрительски поверить происходящему. Слишком долго крутилась на съемочной площадке, замечая все накладки. На просмотре второго, двухчасового варианта всю «кухню» забыла. Даже всплакнула пару раз. Фокусы профессионального монтажа!

А вот его изнанка. За монтажным столом — соратник Митты по семи предыдущим картинам монтажник Надежда Веселовская. Приветливая и жизнерадостная в прошлом женщина. Вначале она могла шутить и адекватно отзываться на шутки патрона. «Говорю ему, не могу день и ночь работать, меня родные из дома выгонят. А он: ничего, у меня свободная комната есть».

На исходе трехнедельного монтажного марафона Надежда Ивановна уже не улыбается, не шутит и не спорит. Работает как швея-мотористка, механически крутя пленку взад-вперед, режа в лоскуты каждый кадр, клея, опять режа, стараясь попасть в такт, задаваемый режиссером каждой сцене как танцу — раз-два-три, раз-два-три, раз... И в восьмой уже раз раздается связывающая жизнь «с этим человеком».

И этот вот каторжный труд отдать чужим, в сущности, англичанам в качестве сырья? При чем добровольно. При чем человеку, который всю жизнь считал, что выше режиссера — один только Бог.

СИБИРСКАЯ ИСТОРИЯ С АНГЛИЙСКИМ АКЦЕНТОМ

Второй раз он ехал в Лондон защищать не только свой авторский вариант (оказавшийся даже после «ужатия» на 14 минут длиннее заказанного), но и, как это ни парадоксально, социалистические принципы кинопроизводства. Но добился лишь разрешения присутствовать при перемонтаже. Он пробыл в Лондоне три недели. Оттуда доносились в Москву неясные слухи и требования прислать еще материала. Честно говоря, я опасалась возвращения, ожидая увидеть сломанного режиссера и испорченный фильм — что-то вроде сибирского валенка английского покроя.

...Александр Наумович неожиданно спокойно рассказал, что «там режиссер имеет прав не больше, чем актер, оператор, монтажник». А ближе всех к Господу Богу оказывается эдитор. По-нашему, редактор, соединяющий функции режиссера, сценариста, монтажника и музыкального редактора, но в последней стадии. Митте достался лучший эдитор Объединенного Королевства Тони Сломан (редактировавший, помимо 73 фильмов все оперы Эндрю Ллойда Уэббера), которого сначала пригласили на просмотр просто посоветоваться.

— Тони, вставив еще четыре эпизода, ухитрился сократить картину до часа 45 минут. При этом не ушло ничего такого, что мне было бы жалко. В основном подрезал реакции: лишней жест, лишней шаг, лишнюю фразу. У меня было три истории, в конце соединяющиеся в одну. Он выстроил одну историю, увиденную глазами главного героя, при этом все три мои остались. Укрепил пластическую сторону картины. Все можно понять глазами, а не только ушами.

Резюме режиссера выглядит удивительно лапидарным для человека, которому за три недели доказали ошибочность его творческих принципов, отставленных всю предыдущую жизнь: «Там никому не нужно твоё рукоделие. Нужна твоя кровь, твой мозг». И все равно это может показаться декларацией, самооправданием. Но я располагаю фактом. По джентльменскому договору с продюсером для советского проката Александр Митта имел право оставить свой, отличный от английского, вариант.

Он таким правом не воспользовался. Так что придется вам посмотреть сибирскую историю с легким английским акцентом. Я ее видела и со спокойной совестью заканчиваю свои закрашенные бытописания. Передаю эстафету критикам.

Ирина МОРСУНОВА.
Фото Алексея Белянчева.